

основе может быть достигнут такой уровень, при котором в русской речи билингва проявится первая тенденция безотносительно к влиянию родного языка.

Здесь возникает известный парадокс: привитие автоматизма как второй тенденции, характерной для русской разговорной речи, осуществляется осознанно и воспроизводится (по крайней мере на начальных этапах) также осознанно, т. е. русская речь билингва развивается на базе «осознанного автоматизма». Этим она отличается от разговорного автоматизма того лица, для которого русский язык является родным. Но ведь билингв находится под воздействием и другого стереотипа — стереотипа его родной речи, который, естественно, влияет на русскую речь носителей национальных языков. Вот тогда-то и возникают всевозможные системные, структурные, нормативные отклонения, которые в огромном большинстве случаев традиционно квалифицируются как «интерференция родного языка». Вместе с тем те или иные нарушения могут объясняться воздействием национальной речи и ее некодифицированных особенностей. А отсюда нетрудно заключить, что при обучении речевой коммуникации на русском языке сопоставление целесообразно проводить не только с системой русского языка, но и с шаблоном и стереотипом родной речи. Вследствие этого изучение разговорной национальной речи становится актуальным и для исследования национального языка, и для сравнительного метода в обучении русской речевой коммуникации.

Явления интерференции — реальный результат языковых контактов в речи билингва, и результат отрицательный. Само понятие интерференции в настоящее время получило недвусмысленную негативную оценочность. Интерференция градуируется по своей частотности, по своей большей или меньшей значимости для акта коммуникации, а ее максимальная степень иногда может вызвать вопрос: на каком языке осуществляется речевая коммуникация? В последнем случае речь квалифицируется как смешанная. Интересное замечание по этому поводу делает М. М. Михайлов: «Некоторые носители двуязычия большую небрежность проявляют именно в родной речи, пересыпая ее словами и оборотами неродного языка, в результате чего получается так называемая „макароническая речь“» [10]. Таким образом, проблема сохранения нормы выступает как проблема номер один при билингвизме, причем в данном случае она становится, так сказать, «обоюдоострой», ибо обращена одновременно и к русскому языку, и к языку национальному.

Чингиз Айтматов, перу которого принадлежат не только прекрасные художественные произведения, но и многочисленные статьи и заметки о роли русского языка в жизни народов СССР, писал, что злоупотребление иноязычными словами в определенных ситуациях «порождает болезнь лингвистического иждивенчества. Кого, скажем, украсит такая самая обыденная фраза: „Пятницада звонить эткин“ — ни по-русски, ни по-каковски. Не лучше ли просто сказать: „Позвони мне в пятницу“?» [11]. Сходные факты констатируют и лингвисты, правда, не всегда сопровождая их нормативным комментарием. Например, в адыгейском языке отмечается модель сложноподчиненных предложений с причинно-следственным значением, возникшая под влиянием русского языка; параллельно в национальной разговорной речи бытуют аналогичные предложения с использованием русских союзов [3].

Интерференция — своего рода антипод понятия взаимообогащение языков, и однако эти явления имеют общую платформу, общую базу, без которой они не могли бы реализоваться. Эта общность заключается в том, что в обоих случаях контактирующие языки влияют друг на друга.

Процесс взаимообогащения языков народов СССР в современную эпоху протекает очень активно, причем воздействие русского языка на национальные реализуется в основном в двух формах: 1) в форме заимствований главным образом на уровне лексики; 2) в форме активизации потенциаль-